

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	5
1. ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА	15
Двадцатью годами ранее	15
«Картинка-пазл»	18
Что-нибудь такое, что потрясет мир	20
«Почти мертвы внутри»	34
«Механический мальчик»	41
«Кровожадные роботы»	45
«Стадия полного ничто»	54
2. АУРА ОПАСНОСТИ	65
«Дико живешь — дико умрешь»	65
«Танцы стали другими»	70
Первый промах Буглиози	76
Уродство и чистота	82
«Выигрывает тот, кто умирает, имея больше всех игрушек»	90
«В Калифорнии все загорелые»	98
Стрижка от Малыша Джо	119
Вместо заключения. Вниз по кроличьей норе	125
3. ЗОЛОТЫЕ ЧЛЕНЫ	127
Вселяя страх	127
«Я живу с семнадцатью девушками»	131
«Мудаки-приятели»	140
Вперед по бумажному следу	149
Возвращение на Сьело-драйв	156
«Тебя бы это, наверное, удивило»	160
Вместо заключения. Не ждите от меня откровений	166
4. ПРОБЕЛЫ В «HELTER SKELTER»	171
Переезд Мурхауса	171
Ложь Мелчера	176
«Этот парень — психопат»	184
«Для непрофессионала»	187
На крыше у Мелчера	191
Вместо заключения: «Они называли меня ангелом»	200

5. АМНЕЗИЯ В УПРАВЛЕНИИ ШЕРИФА ОКРУГА ЛОС-АНДЖЕЛЕС	208
«Продолжай копать»	208
«Политическая свинья»	210
«Оставьте знак»	218
Цирк, да и только.....	228
Вперед по бумажному следу (снова)	238
Сотни человеко-часов и ноль предъявленных обвинений	244
По следам Китти Лютсингер.....	251
«Чушь собачья»	258
Вместо заключения. «Полное безобразие»	261
6. КЕМ БЫЛ РИВ УИТСОН?	271
«Мне надо было спасти свою задницу»	274
Фотографическая память	278
«Его самого не существовало»	285
«Мистер Аноним»	292
Шпион, пришедший с холода.....	300
Вместо заключения. Ни подтвердить, ни опровергнуть.....	307
7. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЛЕВЫХ	309
Начало эры «кампусных бузотеров»	309
«Разжигание насилия и беспорядков»	316
«Встанут к стенке вместе с остальными белыми».....	327
Мэнсон — борец за чистоту расы.....	331
ЦРУ на родной земле.....	333
Завоевывая умы и сердца	337
Вместо заключения. Главные новости	351
8. РОКИРОВКА АДВОКАТОВ	354
«У меня были связаны руки»	354
«Теплая, липкая, приятная»	361
«Строгий контроль над клиентом»	366
«Неподобающе и неэтично»	371
Сделка, перевернувшая все	376
Мороженое для Аткинс	381
«Дело очень дурно пахло»	386
«Стремный мелкий засранец»	392
Вместо заключения. Что же на самом деле сказала Аткинс?	395
9. МЭНСОН И ЕГО КАРТОЧКА «ВЫЙТИ ИЗ ТЮРЬМЫ».....	407
Конец отсрочкам	407
Как выйти сухим из воды в Мендосино	411
Роджер Смит, «Дружелюбный федерал»	419

«Абсолютно безответственный человек»	426
«Протри глаза и посмотри»	434
Четырнадцать голых хиппи в кювете.....	443
«Для вас сейчас нет ничего важнее»	448
Вместо заключения. Связанные со спидами явления.....	453
10. БЕСПЛАТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ КЛИНИКА ХЕЙТ–ЭШБЕРИ	457
Слишком много Смитов	457
Доктор Дэйв	459
Отвергни свое эго	462
«Бешеные приступы неукротимой ярости»	469
Психоделический синдром	477
Коммуна с полигамным браком.....	484
«Вычеркнули».....	491
Вместо заключения. Шесть часов с Роджером Смитом.....	498
11. УПРАВЛЕНИЕ СОЗНАНИЕМ	512
Слетая с катушек	512
Поддельная «ночлежка для хиппи»	517
«Можно ли считать его заасфальтированным Шервудским лесом?»	523
Управление сознанием с помощью наркотика любви.....	526
Грандиозная и зловещая	534
Большой Весельчак Уэст, агент ЦРУ.....	540
Злоключения Большого Весельчака Уэста	553
Загадочная история Джимми Шейвера	557
Неудача с Таско	563
Психотический срыв Джека Руби	567
«Преднамеренное мафиозное убийство»	574
Вместо заключения. «Информационная блевотина»	582
12. ТАК К ЧЕМУ ЖЕ ВСЕ ЭТО?	588
Пишущие музыку.....	588
Мой противник	595
Возвращение Буглиози	602
Поиски тел в пустыне	614
Что случилось с Филиппо Тенерелли?	617
Вместо заключения. «Держать в неведении»	631
ЭПИЛОГ	642
БЛАГОДАРНОСТИ	653
ПРИМЕЧАНИЯ	663

Посвящается моим родителям

ПРОЛОГ

Винсент Буглиози¹ разразился очередной гневной тирадой.

— Хуже нет: додуматься обвинить прокурора в том, что я, по-твоему, натворил в этом деле, — рявкнул он на меня. — Вопиющая, просто вопиющая клевета.

Солнечный день в феврале 2006 года, мы сидим на кухне его дома в Пасадене. Уютное местечко, заставленное мягкой мебелью, сплошь в цветочном узоре, а за окном — не поверите — белый штaketный забор. Все это никак не вязалось с царившей в доме враждебной атмосферой. Буглиози угрожал подать на меня в суд. Как он вскоре сообщит мне, речь шла об «иске за клевету на сто миллионов долларов» и «одном из крупнейших судебных процессов по делу о тру-крайме». Если я откажусь смягчить свои выводы о нем, меня уже ничто не спасет.

¹ Правильное, но менее распространенное произношение — Бульози. Здесь и далее по тексту будет использоваться более известный вариант фамилии. (*Примеч. редактора.*)

— Полагаю, нам следует считать друг друга противниками, — скажет он мне позже.

Винс — мы с ним общались на «ты», как, наверное, и положено настоящим противникам — был искусным оратором, и эта фраза относилась к числу его коронных. Наша беседа в тот день растянулась на шесть с лишним часов, и большую часть времени говорил он, выстраивая речь ничуть не менее ловко, чем во времена судебного процесса над Чарльзом Мэнсоном более тридцати пяти лет назад. В свой семьдесят один год, даже одетый неформально, Винс по-прежнему выглядел внушительно и получал явное удовольствие, пытаясь поразить меня масштабами проделанной им работы: кучей сваленных на столе из термостойкого пластика тетрадей, блокнотов, магнитофонных и рукописных записей, а также стопкой книг его авторства. Жилистый и подвижный, с яркими серо-голубыми глазами, он садился лишь для того, чтобы в очередной раз вскочить и начать тыкать пальцем мне в лицо.

Перелистывая страницы одного из своих блокнотов, он зачитал несколько явно отрепетированных замечаний. «Я порядочный человек, Том, и я собираюсь просветить тебя, насколько порядочен Винс Буглиози».

Именно так он и поступил — произнес заранее подготовленную «вступительную речь», которая длилась сорок пять минут. Он настоял, чтобы мы начали подобным образом. Он даже подрядил свою жену Гейл стать свидетелем этого процесса — на случай, если я потом попытаюсь исказить его слова. По сути, он превратил собственную кухню в зал суда. А в зале суда он был в своей стихии.

Буглиози сделал себе имя на деле Мэнсона, покоров страну историями о хиппи-убийцах, промывании мозгов, расовых войнах и опасных «кислотных» трипах. Винс, можете не сомневаться, сразу же и не один раз напомнил мне, что он автор трех бестселлеров, включая «Helter Skelter», его собственного расследования убийств секты Мэнсона и их последствий, ставшего самой популярной книгой в истории трукрайма. Если в тот день он и казался малость взвинченным, что ж, я выглядел не лучше. Я планировал надавить на него, дабы прояснить кое-какие моменты в его поведении на процессе по делу Мэнсона. В книге «Helter Skelter» много неоднозначных мест: противоречия, умолчания, расхождения с полицейскими отчетами. Ее текст исходит от официального источника, так что мало кому приходит в голову подвергать сомнению содержание. Однако я нашел немало документов — многие из них были забыты на десятилетия и никогда прежде не публиковались, — которые указывали на связь Винса с множеством других важных для дела фигур, вроде инспектора по условно-досрочному освобождению, надзиравшего за Мэнсоном, а также его друзей в Голливуде, копов и юристов, ученых и врачей, имевших дело с Чарли. Помимо прочего, в материалах самого Винса нашлось подтверждение того, что один из его ключевых свидетелей солгал под присягой [1].

Порой мне становится интересно, заметил ли Винс, насколько сильно я нервничал во время нашей встречи. Обычно я не хожу в церковь, но в то утро отправился туда, чтобы помолиться. Моя мама всегда советовала мне обращаться к Богу, если я нуждаюсь в помощи, а в тот день мне не помешала бы

любая помощь, какую я только мог получить. Я надеялся, что беседа с Винсом станет поворотным моментом в моем кропотливом семилетнем расследовании убийств «Семьи». К тому времени я опросил больше тысячи человек. На разных этапах эта работа приводила меня то к разорению, то к депрессии, то к опасению, что я превращаюсь в одного из «тех чудиков» — одержимого навязчивой идеей, сторонника теории заговора или просто сумасшедшего. Я терял друзей. Родные всерьез сомневались в моей нормальности. Сам Мэнсон пытался увещевать меня прямо из тюрьмы. Мне много раз угрожали. Я никогда не считал себя легковым, но обнаруженные мной факты, связанные с убийствами секты Мэнсона и жизнью Калифорнии в шестидесятые годы, — факты, ранее казавшиеся мне невозможными, — явно свидетельствовали о двойных стандартах и умышленном сокрытии, в котором были замешаны департаменты полиции всего штата. А еще суды. А еще — и тут мне приходится сделать глубокий вдох, прежде чем я решусь это сказать, — ЦРУ.

Если бы мне удалось заставить Буглиози признать хоть какое-то мелкое прегрешение или проговориться о какой-нибудь второстепенной детали, я смог бы, наконец, взяться за распутывание десятков других нитей своего расследования. Быть может, мне даже удалось бы вскоре вернуться к нормальной жизни, какой бы она ни была. В самом крайнем случае я убедился бы, что сделал все возможное, чтобы добраться до дна этой, казалось, бездонной ямы.

Однако, наблюдая, как Винс у себя на кухне на протяжении нескольких часов скрупулезно аргументирует каждый пункт обвинения, я пал духом. Он

тщательно отстроил защиту. Мне с трудом удавалось вставить хоть слово.

— Признаю твои заслуги в сборе сведений, — сказал он мне. — Ты нашел то, что не удалось обнаружить мне.

Максимально близок к успеху я оказался, когда он произнес: «Возможно, я кое-что упустил». Но потом он добавил: «Я никогда в жизни не сделал бы то, в чем ты меня подозреваешь! Понял? Никогда. Все мои действия идут вразрез с этим. И еще, Том: даже если бы у меня возникла мысль поступить так, — имелось в виду склонение свидетеля к даче ложных показаний, — это все равно путь в никуда. Это нелепо. Это... это глупо... *Кого вообще это волнует?* Это ничего не значит!»

Кого вообще это волнует? За прошедшие годы я много раз задавал себе аналогичный вопрос. Стоило ли тратить столько времени и сил на эти, пусть и одни из самых известных в американской истории, но давно навязшие в зубах преступления? Как я докатился до того, что по уши в них увяз? Помню, как бросал взгляды на Гейл, жену Винса, пока тот зычным голосом тянул свою длинную «вступительную речь». Она с измученным видом прислонилась к кухонному шкафчику, прикрыв глаза. В конце концов она извинилась и поднялась наверх, чтобы прилечь. Должно быть, для нее все это было не впервой — слушать его заученные реплики, его напыщенные речи. В минуты самобичевания мне кажется, что мое окружение чувствует себя, примерно как Гейл в тот день. О нет, *опять!* Только не Мэнсон с его убийствами. Мы уже сто раз это проходили. Мы же это уже пережили. Мы знаем все, что только можно знать. Не начинай сначала.

Тогда я почти обрадовался, увидев, как расперезивался Винс. Само понимание того, что я смог вывести его из себя, заставляло меня продолжать. Почему ему так важно все замять? И если мои открытия действительно «ничего не значат», зачем тогда столько его бывших коллег утверждают обратное?

Один из моих источников сообщил Винсу о проделанной мной работе, натолкнув его на нелепую мысль, будто я считаю, что он подставил Мэнсона [2]. Ничего подобного. Я и не думал оправдывать Мэнсона. Уверен, он был ничуть не меньшим злом, чем его изображали в СМИ. Но *также* правда, что Стивен Кей — один из обвинителей по делу, коллега Винса, но не его друг — был шокирован обнаруженными мной записями Винса и заявил: одного этого может быть достаточно, чтобы отменить все приговоры против Мэнсона и «Семьи». Впрочем, такую цель я себе никогда не ставил. Мне лишь хотелось выяснить, что там на самом деле произошло. «Теперь я даже не знаю, чему верить, — сказал мне Кей. — Если он [Винс] подтасовал это, то что еще он мог подтасовать?»

Мне тоже хотелось это знать, но Винс неизменно находил способ сменить тему. «К чему ты ведешь? — снова и снова спрашивал он. — В чем тут, по-твоему, дело?» А дело, на мой взгляд, было в том, что ложные показания ставили под сомнение сам мотив убийств. Но Винсу некогда было в этом разбираться, он был слишком занят тем, что снисходительно выяснял *мои* мотивы. Да как я посмел намекать, что он что-то сделал неправильно? Как буду с этим жить, зная, что бросил тень на его безупречную репутацию? Ему доставляло удовольствие поминать «Человека в зеркале», словно это известное выражение придумал он,

а не Майкл Джексон.² «Тебе не укрыться, — говорил Винс, — тебе от него не спрятаться!» Я пытался вернуть разговор к Мэнсону, но у Винса на уме было другое. Он рвался предоставить «свидетельства» своей отличной репутации, «зачитать их для протокола».

В тот день мы оба запаслись диктофонами — я подготовился не менее тщательно, чем он, и никто из нас не собирался рисковать остаться без полного отчета о нашем разговоре. Раз за разом, как только атмосфера накалялась, а Винс хотел поделиться конфиденциальной информацией, он требовал остановить запись, и нам приходилось отключать оба устройства, порой всего на несколько секунд, а потом снова включать их. Иногда он забывал про свой диктофон, и мне приходилось напоминать: «Винс, ты его не выключил».

Не под запись он набрасывался на меня снова, его глаза метали молнии из-под серебристого полумесяца волос. «Если ты выпускаешь книгу, которая порочит мою репутацию, ты должен понимать одну вещь, — сказал он. — Ты должен понимать, что не оставляешь мне выбора. Я *обязан* подать на тебя в суд».

Когда я наконец вышел из его дома, у меня разболелась голова от его криков, а солнце уже скрылось за горами Сан-Габриэль. Гейл больше вниз так и не спустилась. На улице я не успел даже добраться до машины, как Винс схватил меня за руку и напомнил,

² «Man in the Mirror» — сингл 1988 года, выпущенный в рамках седьмого студийного альбома Майкла Джексона под названием «Bad». В припеве песни о бедах и жестокости мира говорилось о том, что нужно «начать с человека в зеркале» и изменить себя, чтобы мир стал лучше (*здесь и далее — примеч. перев.*).